

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

□ ХАБЕРМАС ЮРГЕН (Штарнберг, ФРГ)

ЕВРОПА НА РАСПУТЬЕ*)

АНОТАЦІЯ

В статті представлені особливості розвитку Європейського Союзу після економічної кризи 2008 р. Авторитетний німецький філософ Юрген Габермас вказує на сильні та слабкі сторони глобалізації, а також пропонує шляхи подолання кризових явищ у Західній Європі.
Ключові слова: Європейський Союз, економічна криза, глобалізація.

АНОТАЦИЯ

В статье представлены особенности развития Европейского Союза после экономического кризиса 2008 г. Авторитетный немецкий философ Юрген Хабермас указывает на сильные и слабые стороны глобализации, а также предлагает пути преодоления кризисных явлений в Западной Европе.
Ключевые слова: Европейский Союз, экономический кризис, глобализация.

SUMMARY

In the article the feature of the development of the European Union after the economic crisis of 2008 are presented. The celebrated German philosopher Juergen Habermas points out the strengths and the foibles of the globalization and suggests the ways of the overcoming of the economic crisis in the West Europe.
Keywords: European Union, economic crisis, globalization.

Перед лицом современного кризиса спрашивают, почему мы вообще должны держаться за Европейский Союз, или же за цель более тесного политического союза. Ибо его изначальный мотив – сделать невозможными войны в Европе – уже исчерпал себя. Однако вслед за философом Иммануилом Кантом Европейский Союз можно охватить как шаг на пути к политически конституированному мировому сообществу. Исходя из этого, можно развивать новый убедительный нарратив. Однако проект, который до сих пор политические элиты осуществляли за закрытыми дверями, необходимо было перевести в неформальный модус шумной и аргументированной борьбы мнений на публике. Но правительства отпрянули от этого. В море финансово-рыночных потоков все они держатся за свои маленькие островки национальной власти, которым угрожает наводнение. А политические партии всё больше привязываются к

популизму, который они сами культивируют в тумане комплексной и нежеланной темы.

Между тем хитрость экономического разума выводит эту тему на дневной свет. У Европы нет политических компетенций для необходимой гармонизации национальных экономик, которые дрейфуют одна от другой в разные стороны. Совсем независимо от настоящего кризиса, эту ошибку можно исправить лишь в долгосрочной перспективе, но не благодаря «Пакту ради Европы», то есть путем договоренностей соответствующих глав правительств без правовых обязательств. Если бы это решение от 25 марта 2011 года, которое нацелено на коренное вмешательство в национальные компетенции – несмотря на ожидания – все же имело бы успех, то его ценой стало бы дальнейшее выхолащивание национально-государственных демократий. Короче говоря, кажется, что политика затаила дыхание и застыла на пороге – от экономического к политическому единению Европы. Отчего же такое испуганное оцепенение?

*) Перевод с немецкого Владимира Абашника.

Плотная сеть наднациональных организаций вселяет страх того, что в национальном государстве будет разрушена надежная взаимосвязь прав человека и демократии, а демократический суверен будет экспроприрован мировыми самостоятельными исполнительными властями. Также в отношении Европейского Союза звучат сомнения, которые, прежде всего, питают политическое поражение: якобы транснационализация суверенитета народов невозможна без ограничения демократической легитимации, поскольку последняя якобы может быть закреплена лишь в национальном государстве.

В условиях демократии граждане подчиняются лишь тем законам, которые они сами установили для себя демократическим способом. Этот способ обязан своей легитимной силой участием всех граждан в процессах принятия политических решений и соединению (при необходимости квалифицированных) решений большинства и обдуманного образования мнений. Так активное гражданское общество должно влиять через государство на свои собственные условия существования. А поскольку это предполагает соответствующее игровое пространство для политического устройства жизненных отношений, то между народным суверенитетом и суверенитетом государств существует понятийная взаимосвязь. Если политически неуправляемый комплексный рост мирового сообщества по-прежнему ограничивает игровое пространство деятельности национальных государств, то возникает требование расширения способностей политической деятельности за пределы национальных границ, исходя из нормативного смысла самой демократии.

Отчасти государства компенсируют потерю способностей разрешения проблем благодаря международным организациям. Но это фактически оплачивается падающим уровнем легитимности. Поскольку международные договорные режимы отрываются от цепи демократической легитимации, а установившиеся национально-государственные методы иссякли, то происходит двойное усиление: как политической необходимости в расширении демократических методов за пределы национального государства, так и сомнений в том, можно ли это сделать вообще. Однако ограничение национального суверенитета путем передачи суверенных прав государств наднациональным инстанциям никоим образом не должно покупаться путем объявления граждан недееспособными, хотя такое часто происходит. Этот трансферт продолжает конституционализацию государственной власти, которой граж-

дане обязаны своими основополагающими правами в рамках национального государства. Разумеется, что компетенции, которые передаются национальным государством наднациональным инстанциям или разделяются с ними, должны не просто быть оформлены в правовом отношении, но и оформлены демократически в правовом отношении. Игровое пространство гражданско-государственной автономии не уменьшается тогда, когда гражданам принимают участие в наднациональном установлении права согласно демократическим методам. С большим ростом в отношении территориальных размеров и цифровым расширением объединений граждан изменяется лишь комплексность образования мнений и волеобразования. Не может быть речи об ограничении народного суверенитета до тех пор, пока такой метод сам остается безупречным.

С другой стороны, международную сеть, которая возникла в это время, можно будет демократизировать лишь тогда, когда составные части, известные из национально-государственных демократий, можно будет объединить без потери легитимации иным способом, нежели в национальном государстве. В этом отношении поучительным является тест, которому должен подвергнуть себя сегодня Европейский Союз. Собственно, протестировать надо волю и способность граждан, политических элит и средств массовой информации к осуществлению следующего интеграционного шага, по крайней мере, в Евроне; тем самым будет продвинута на один шаг вперед цивилизованная способность осуществления политического господства.

В облике Европейского Союза уже выкристаллизовалось сообщество, которое устроено политически и которое обладает авторитетом без совмещения конгруэнтной государственной власти в отношении его государств-членов. В то время как в начале европейского единения цивилизирующий момент выражался, прежде всего, в умиротворении окровавленного континента, в настоящее время он закрепляется в борьбе за конструкцию способностей действовать. Так народы европейского континента пытаются из уменьшающегося политического и экономического веса обрести политическое игровое пространство для действий в отношении политических сил и системных давлений глобализованного общества. Самовосприятие Федеративной Республики Германия должно подстраиваться к этому состоянию.

Я понимаю введение гражданства Европейского Союза, хотя этому может еще проти-

востоять Статья 48 Лиссабонского договора, так, что всеобщность европейских граждан наряду с государствами выступает законодательным субъектом. В действующем Лиссабонском договоре суверенитет, разделенный между гражданами и государствами, проявляется уже в том, что парламент привлекается к соответствующей процедуре при изменениях конституционного договора и что во время «штатной законодательной процедуры» он в качестве равного органа противостоит Совету.

Между прочим, «разделение» законодательной власти объясняет то, почему Европейский Союз не может рассматриваться как своего рода неполноценная федеративная республика, хотя он разделяет с федеративными государствами характер многоуровневой системы. Национальное государство, даже если оно имеет внутреннее федеративное устройство, конституируется лишь всеобщностью граждан национального государства, в то время как Европейский Союз был основан его гражданами лишь в объединении с народами государств, которые соответственно были уже конституированы ими. В федеративных государствах высшие государственные органы имеют «компетентную компетентность», в то время как европейские институты движутся лишь в рамках отдельных, точно указанных компетенций. Поскольку государства-члены сохраняют за собою монополию на власть, а сам Европейский Союз не имеет полного государственного характера, то граждане Европейского Союза также не являются гражданами государства.

Европейский Союз это не образование, которое якобы остановилось на полпути от национального государства к федеративному государству. Скорее всего, он образует свое собственное формирование, характеризующееся двумя специфическими новациями. Граждане Европейского Союза разделяют суверенитет вместе с государствами-членами, которые сохраняют за собою монополию на власть, но которые в определенном смысле подчинены над-национально установленному праву.

Разделение суверенитета можно оправдать тем, что граждане Европейского Союза имеют хорошие основания придерживаться равноправной роли своих государств на европейском уровне. Национальные государства как демократические правовые государства являются не только историческими актерами на пути к цивилизации ядра власти политического господства, но и остающимися достижениями и живыми образами «существующей справедливости» (Гегель). Граждане Европейского Союза имеют обоснованную заинтересованность в том, чтобы их национальные

государства в качестве государств-членов и в дальнейшем играли надежную роль гарантов права и свободы. Ибо национальные государства являются более чем воплощением национальных культур, заслуживающих сохранения; они являются гарантом уровня справедливости и свободы, который граждане по праву желали бы сохранять и в дальнейшем.

Наконец, гражданская солидарность подчиняется изменяющейся формуле. В нашем сценарии она также должна была бы освободиться от национального уровня, если граждане в их роли граждан Европейского Союза, избирающих и контролирующих Страсбургский Парламент, действительно должны достичь такого состояния, когда они будут принимать участие во всеобщем политическом волеобразовании, которое переходит национальные границы. Такое наднациональное расширение гражданской солидарности является обучающим процессом, который может быть осуществлен лишь в соответствующем расширенном коммуникационном взаимодействии гражданского общества.

Такое пространство должно возникнуть в ходе дальнейшего открытия национальных обществ относительно друг друга. Для этого нам не нужны никаких иных медий, нужна лишь иная практика уже существующих медий. Они должны рассматривать европейские темы не только как таковые, но и одновременно сообщать о политических позициях и разногласиях, которые вызывают одни и те же темы в других государствах-членах. Поскольку несущими силами Европейского Союза до сих пор были политические элиты, то до сих пор существует опасная асимметрия между демократическим участием народов в том, что их правительства «добыли» для себя на субъективно отдаленной Брюссельской сцене, и индифферентностью, даже безучастью граждан Европейского союза в отношении решений их парламентов в Страсбурге.

Один лишь правый популизм делает карикатурные наброски великих национальных субъектов, которые отделяются друг от друга и блокируют демократическое волеобразование, переходящее границы. После полувековой иммиграции даже европейские народы перед лицом их возрастающего этнического, языкового и религиозного плюрализма являются всем чем угодно, но только не культурными гомогенными единствами. Интернет и массовый туризм также делают национальные границы более проницаемыми. Плавающий горизонт жизненного мира, разделенного большими пространствами и комплексными отношениями, должен все время воссозда-

ваться средствами массовой информации и наполняться коммуникационной взаимосвязью гражданского общества. Это может усовершенствоваться лишь в рамках всеобщей политической культуры, а административно-правовые средства лишь с трудом могут воздействовать на него. Но Европа имеет общую судьбу. И чем больше население национальных государств осознает и будет приведено к этому осознанию средствами массовой информации то, насколько глубоко проникают решения Европейского Союза в повседневность, тем большим будет их интерес относительно использования их демократических прав в качестве граждан Европейского Союза.

Этот «impact-factor» стал особенно чувствительным во время евро-кризиса. Начиная с 8 мая 2009 года, Совет Европы своими решениями относительно «спасательного пакета» и возможном списании долгов, а также заявлениями о намерениях относительно конкурентоспособной гармонизации экономической, фискальной, социальной политики и политики рынка труда перешел рубеж, за которым возникают проблемы в вопросе справедливости распределения. Этот кризис вынуждает Совет Европы неохотно принимать решения, которые могут отягощать национальные бюджеты в явно неравных соотношениях.

Таким образом, в логике конституции было бы заложено то, что граждане государства, которые должны были бы согласиться с перераспределением нагрузки за пределами национальных границ, в том числе в их роли граждан Европейского Союза относительно того, что выторговали руководители их государств, или о чем они договорились в рамках правовой зоны, желали бы также иметь демократическое влияние. Это потребовало бы углубления политического союза, в любом случае – «усиленного сотрудничества» между членами валютного союза. Вместо этого мы

наблюдаем со стороны правительств – в этом отношении немецкая канцлер Ангела Меркель стала символом – сдерживающие тактические ходы, а со стороны населений стран – отклонение европейского проекта в целом, которое основано на популизме. Это саморазрушающее поведение объясняется из факта того, что элиты и средства массовой информации медлят с насущными и напрашивающимися выводами исходя из конституционного проекта. Всеевропейская гражданская солидарность не может быть образована, когда структурно усиливается социальное неравенство между членами-участниками, то есть в местах разлома доходов. Ироничным образом сегодня таковым является давление финансовых рынков, под влиянием которого растет понимание того, что не было уделено должного внимания существенной экономической предпосылке конституционного проекта. Европейский Союз сможет развиваться и стать демократическим правовым наднациональным сообществом лишь тогда, когда он получит политические компетенции управления чтобы, по меньшей мере, в рамках евро-пространства заботиться о сочетании экономического и социального развития. Европейский Союз должен обеспечить то, что называется «единством условий жизни» в «Основном законе» Федеративной Республики Германия.

Однако такое единство касается лишь доступимой широты вариантов социальных состояний жизни, которые являются приемлемыми с точки зрения справедливости распределения, а не в отношении культурных различий. Скорее всего, необходима политическая взаимосвязь, поддержанная социально, чтобы вообще защитить национальное многообразие и несравнимое культурное богатство биотопа «Старая Европа» от совсем иного рода нивелирования в условиях прогрессирующей большими шагами глобализации.

